

8. Там же. С. 96.
9. *Гейне Г.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1981–1983. Т. 6. С. 10.
10. См.: *Толстой А. К.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. С. 36.
11. *Гейне Г.* Собр. соч. Т. 6. С. 10.
12. Там же.

© Жаткин Д. Н.
© Яшина Т. А.
г. Пенза

ТРАДИЦИИ ТВОРЧЕСТВА ТОМАСА МУРА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1820–1830-х гг.

Появлению в 1822 г. в «Благонамеренном» А. Е. Измайлова первой статьи о Томасе Муре, содержавшей характерное сближение ирландского барда с Байроном и Вальтером Скоттом [1], предшествовали суждения, сохранившиеся в частной переписке деятелей русской культуры. Например, находясь на дипломатической службе в Лондоне, Д. Н. Блудов сообщал И. И. Дмитриеву в письме от 25 марта (6 апреля) 1820 г., что «ирландцы с упорством и запальчивостью ставят всех выше своего земляка Мура», которого можно назвать «ирландским Батюшковым» и определенным образом сблизить с англичанином Байроном и шотландцем В. Скоттом [2]. О Муре Д. Н. Блудов услышал сразу по прибытии в Лондон на должность советника посольства в 1818 г., однако первоначально воспринимал его прежде всего как автора анакреонтических стихотворений, мастера эротической лирики, что отразилось, в частности, в его письме В. А. Жуковскому, датированном августом 1818 г.

В сознании С. И. Муравьева-Апостола Мур также сближался с Байроном и, более того, воспринимался в качестве последовательного сторонника тенденций обновления окружающего мира, усилившихся в поэзии благодаря революционным событиям во Франции. Осознание «высокого назначения человека», побудившее поэзию стать более гражданственной, «мужественной», вызвало появление «Байронов и Муров» [3].

Восприятие декабристами Мура в качестве гражданского поэта стало вполне традиционным, о чем можно судить по «Воспоминаниям о Рылееве» Н. А. Бестужева, известного своим переводом третьей вставной стихотворной поэмы «The Fire-Worshippers» из «Лалла Рук». Цитируя одно из самых известных стихотворений К. Ф. Рылеева «Гражданин» («К молодому поколению»), Н. А. Бестужев делает пафосное замечание: «Кто не скажет, что это стихотворение может стать наряду с лучшими ирландскими мелодиями Мура?» [4]. Тем самым Н. А. Бестужев сближает произведения английского и русского поэтов, имеющие характерное гражданское звучание.

Вместе с тем характерное сближение Байрона и Томаса Мура на основе гражданственности их лирики, в существенной мере повлиявшей на движение декабристов в России, было свойственно далеко не всем представителям российских литературных кругов. В переведенной Л. Крестовцевым

для «Литературной газеты» в 1831 г. статье Ш. Нодье «Байрон и Томас Мур» утверждается, что сопоставляемые поэты — «суть гении-близнецы», однако один из них является «падшим» [5], — в этих словах можно усмотреть прозрачное осуждение Мура за сожжение байроновских записок. В примечании к публикации, подписанном «Издатель» и, вероятно, принадлежащем О. М. Сомову [6], признается, что Томас Мур — «человек с поэтическим дарованием и музыкальным слухом», «обладает прекрасным талантом», однако при этом выражается сомнение, что «его радужные, отчасти жеманные картины можно ставить наряду с произведениями широкой и сильной кисти Байрона», поскольку последний — «гений необыкновенный, представитель поэзии своего века» [7].

Признавая эрудицию Мура, богатство его неумемной фантазии, мастерство в подборе изобразительно-выразительных средств, русская критика в то же время не могла не признать разительных отличий между мятежностью, пылкостью стремлений Байрона и рассудочным оптимизмом, внутренней успокоенностью, свойственными ирландскому барду. Д. О. Вольф, автор «Чтений о новейшей изящной словесности», опубликованных в 1835 г., отмечал способность Мура находить «в предмете самом сухом и неблагодарном <...> такую сторону, которая представляет его привлекательным» [8]. Сопоставляя лирический мир Мура и Байрона, Д. О. Вольф писал: «В решительную противоположность Байроновым темным краскам он <Мур> умеет разливать на все свои картины почти ослепительный свет радостной, весело и быстро текущей жизни; а притом повсюду господствует у него нежность и искренность в такой степени, в какой они очень редко совокупляются с такою силою» [9].

Как видим, в русской литературе постепенно происходила смена представлений о Томасе Муре, — суждения о гражданственности и патриотизме Мура постепенно отходили на второй план, замещаясь рассуждениями об эрудиции ирландского барда, яркости создаваемых им художественных образов, их предпочтительной ориентации на восточный колорит.

С творчеством Томаса Мура, вероятно, был знаком А. С. Грибоедов, хорошо освоивший английский язык и читавший в подлиннике в 1819 г. во время путешествия по Персии «восточную повесть» Мура «Лалла Рук», тем самым сверяя художественное описание и непосредственно наблюдаемую реальность [10]. Вместе с тем следов влияния творчества Мура в произведениях Грибоедова совсем немного — это образ пери в стихотворении «Телешовой в балете „Руслан и Людмила“, где она является обольщать витязя» (1824) и своеобразная восточная экзотика отрывка «Кальянци», создание которого относится к 1821 г.

В стихотворении «Телешовой», впервые опубликованном в № 1 «Сына отечества» за 1825 г., отчетливо ощутимо влияние «Лалла Рук» Томаса Мура: «О, кто она? — Любовь, Харита, // Иль пери, для страны иной // Эдем покинула родной, // Тончайшим облаком обвита?» [11]. Первая публикация сопровождалась примечанием издателя Н. И. Греча, дававшим представление об Эдеме и пери [12].

Известно, что в период с декабря 1821 г. по май 1822 г. в Тифлисе происходило регулярное общение А. С. Грибоедова и В. К. Кюхельбекера. Поэты были знакомы — их первая встреча состоялась в Петербурге несколькими годами раньше; однако именно в Тифлисе произошло определенное внутреннее, духовное сближение двух ярких представителей русской литературы. «Он очень талантливый поэт, и его творения в подлинном чистом персидском тоне доставляют мне бесконечное наслаждение», — писал Кюхельбекер о Грибоедове в письме к своей матери, датированном 18 декабря 1821 г. [13]. Ассоциации Грибоедова и его творчества с восточным колоритом характерны и для позднейших произведений Кюхельбекера. Так, в стихотворении «А. С. Грибоедову при пересылке к нему в Тифлис моих “Аргивян”, автограф которого, содержащийся в письме к сестре Ульяне Карловне Кюхельбекер, датируется 20 января 1823 г., В. К. Кюхельбекер предлагает описание, прозрачно раскрывающее интерес Грибоедова к персидской тематике: «... он запах Гулистана// Вбирает жадною душой, // Где старец вечно молодой, // Где музы пышные святого Фарзистана// Парят над вещью главой!» [14]. В стихотворении «Памяти Грибоедова» (1829) Кюхельбекер характеризует погибшего современника как «избранного славой// Певца, воспевшего Иран» и сопровождает эти строки пояснением в виде затекстового примечания: «Относится к поэме Грибоедова, схожей по форме своей с Чайлдом-Гарольдом; в ней превосходно изображена Персия. Этой поэмы, нигде не напечатанной, не надобно смешивать с драмой, о которой упоминает Булгарин» [15]. В первом томе двухтомника Кюхельбекера, вышедшего в 1939 г. в Большой серии «Библиотеки поэта» к строке о «певце, воспевшем Иран», дано иное примечание на французском языке с подстрочным русским переводом: «Ce raporte à un charmant poëme; Путник ou Странник, dans le gendre de Child-Harold (mais sans la morque et la misanthropie de Byron) dans lequel il avoit peint la Perse; ce poëme n'a jamais été imprimé» («Относится к прелестной поэме “Путник” или “Странник”, вроде “Чайльд-Гарольда” (но без надменности и мизантропии Байрона), в которой он изобразил Персию; эта поэма никогда не была напечатана») [16]. Вероятно, именно эта поэма Грибоедова, не дошедшая до наших дней, вызывала у Кюхельбекера прочные многолетние ассоциации между именем писателя-современника и персидскими мотивами в поэзии.

Из упомянутой поэмы Грибоедова до наших дней сохранился отрывок «Кальянчи», впервые опубликованный в № 1 «Сына отечества» за 1838 г. В основу дошедшего до нас фрагмента было положено реальное событие 1820 г., отраженное в сообщении начальника русской дипломатической миссии в Персии С. И. Мазаровича генералу А. А. Вельяминову: «Двое бродяг вывели в здешний базар мальчика-грузина Татня, похищенного ими. Я представил здешнему правительству о незаконности <...>. Служащий при миссии по моему приказанию силою извлек из шахзадинского дворца маленького несчастливца, которого я ныне с караваном отправил в Карабах» [17]. В диалоге путешественника и отрока, уроженца Кахетии, обращает на себя внимание реплика первого из них, с которой, собственно, и начи-

нается отрывок: «В каком раю ты, стройный, насажден?// Какую влагу пил? Какой весной обвеян?// Эйдеом ли ты светлым порожден, // Питомец пери, или Джиннием взелеян?» [18]. Многочисленные экзотические наименования, упомянутые Грибоедовым, а в особенности имя пери, невольно ведут к мысли о влиянии со стороны «восточной повести» «Лалла Рук». Данная мысль тем более справедлива, что путник в ходе диалога вновь и вновь обращается к характерным элементам экзотики, упоминает пери: «В каком раю ты, стройный, насажден?// Эдема ль влагу пил, дыханьем роз обвеян?// Скажи: или от пери ты рожден, // Иль благодатным Джиннием взелеян?» [19].

Впрочем, увлечение ориентальными мотивами, столь ярко отразившимися в «Лалла Рук» Томаса Мура, было характерно в 1820-е гг. не только для творчества А. С. Грибоедова, но и для всей русской литературы в целом. Интерес к ориентализму, обусловленный прежде всего господством романтического направления, находил отражение и в повседневной жизни, что проявилось, в частности, в особом внимании к языкам и культурам многих народностей Российской империи, а также стран Востока, открытии в 1818 г. восточных кафедр в Главном педагогическом институте, выпуске в 1825–1827 гг. специализированного журнала «Азиатский вестник» [20]. Популярность в России обретали и произведения западноевропейских (в том числе и английских) писателей, интерпретирующие восточные мотивы [21]. О том, что восточные мотивы стали во многих случаях преобладающими в «ученейших обществах» просвещенных народов, сообщалось и в стихотворных пародиях 1820-х гг., авторы которых утверждали, что «одни переводы с восточных языков кое-как питают российскую словесность» [22]. Признавая, что влияние восточной поэзии особенно видно «в поэзии Мура и в произведениях Байрона», С. П. Шевырев вместе с тем отмечал способность ориентальных мотивов увлечь «фантазию поэтов в мир идеальный» [23]. Роль творчества Мура в пропаганде в России ориентальной традиции в 1820–1830-е гг. неизменно преувеличивалась, о чем можно судить, в частности, из другого замечания С. П. Шевырева, вызванного появлением поэмы А. И. Подолинского «Див и пери»: «...англичанин Мур пристрастил всю Европу к восточному роду поэзии <...>. Критика радуется, смотря на сие обогащение; между тем холодная предусмотрительность, в которой ее часто, но несправедливо укоряли, заставляет опасаться, чтобы роскошь описаний не заменила у наших стихотворцев истинной силы чувствований и мыслей» [24].

Однако «восточная повесть» Томаса Мура «Лалла Рук» была далеко не единственным западноевропейским источником, обусловившим появление ориентальных мотивов в русской литературе. В этой связи следует назвать также имена И.-Г. Гердера и в особенности И.-В. Гете, автора сборника «Западно-восточный диван». Известно, что в 1825 г. В. К. Кюхельбекер перевел для себя существенную часть подробного прозаического комментария Гете, сопровождавшего выход «Западно-восточного дивана» [25]. В целом русские и западноевропейские литературные критики сходились во мнениях, что восточный колорит во многом обязан своей популярностью «восточной повести» Томаса Мура «Лалла Рук». Так, в июне 1820 г. в

журнале «Conservateur Litteraire» В. Гюго опубликовал обширную статью о «Лалла Рук», в которой подчеркивались верность Мура восточному воображению, яркость экзотики его поэмы, разнообразие изобразительно-выразительных средств [26]. Во французской статье «Нечто о Томасе Муре», переведенной в 1822 г. для «Благонамеренного» А. Н. Очкиным, отмечается мастерство ирландского барда в раскрытии традиций ориентализма, — по мнению автора статьи, Томаса Мура вполне можно было бы считать «переводчиком одной из тех поэм, богатых чувствами и картинками, которые блестящее солнце Востока внушает потомкам Гафеца <Гафиза> и Саади» [27]. Позднее анонимный автор «Вестника Европы», словно развивая эту мысль, сближал «Лалла Рук» с шедевром восточной эпикой — поэмой Низами «Хосров и Ширин» (1180), причем видел сходство не столько в сюжете, сколько в «пышном, цветистом выражении чувства»: «Восток не произвел творения, которое своими красотою превосходило бы “Ширину”; Запад произвел “Лаллу Рук”; и ничто не может сравниться с сим прекраснейшим подражанием восточной поэзии» [28]. В статье отчетливо улавливается отличие Мура от Байрона: «Представим себе английского Поэта, пылающего страстями поэтическими, столь же богатого дарами фантазии, как и Байрон, но несравненно более ясного, более кроткого и более счастливого» [29]. Это суждение во многом предвосхитило цитировавшиеся выше размышления Д. О. Вольфа в его «Чтениях о новейшей словесности».

В известном трактате «О романтической поэзии» (1823) О. М. Сомов, в то время близкий декабристской среде, особо отмечал небольшие стихотворения ирландского барда, характеризующиеся «нежностью поэзии» и побудившие современников сравнивать Мура с Анакреоном. Согласно представлениям О. М. Сомова, Мур был несомненно более разнообразным «в предметах и характерах», нежели Байрон, причем слог первого из поэтов имел «более гладкости и округлости» [30], — в этих суждениях чувствовалось влияние зарубежной критики, тем более очевидное, что «Юношеские стихотворения» Мура, позволяющие сопоставлять его с Анакреоном, еще не были к тому времени переведены на русский язык. Размышляя о «Лалла Рук», О. М. Сомов отмечает способность Томаса Мура «приводить читателя в приятное заблуждение» относительно авторства «восточной повести»: «...кажется, что ее писал не европеец, а какой-нибудь поэт, соотечественник Фердузи <Фердоуси> или Амраль Кейзи. Природа, им изображаемая, нравы лиц, выводимых им на сцену, их обычаи и поверья, новизна картин и положений, слог, дышащий ароматами Востока, — все служит к подкреплению сего очаровательного обмана» [31].

Как видим, именно произведение Томаса Мура во многом способствовало росту интереса русского общества к ориенталистике, вполне соответствовавшей романтическому направлению в отечественной литературе.

Примечания

1. См.: Нечто о Томасе Муре // Благонамеренный. 1822. Ч. 19, № 28. С. 41–60.
2. Ковалевский Е. Граф Блудов и его время. СПб., 1871. С. 236.

3. Цит. письмо С. И. Муравьева-Апостола к m-lle Gugenet (Гюжне), датированное 28 ноября 1825 г.; см.: *Сыроечковский Б.* Два письма С. И. Муравьева-Апостола // Красный архив. 1928. Т. 5. С. 223.
4. См.: Воспоминания Бестужевых / Ред. ст. и коммент. М. К. Азадовского. М.; Л., 1951. С. 28–29.
5. Байрон и Томас Мур (соч. Карла Нодье) // Лит. газ. 1831. № 27. С. 220.
6. Атрибуцию примечания О. М. Сомову см.: *Блинова Е. М.* «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. 1830–1831: Указ. содержания. М., 1966. С. 199. № 721.
7. Байрон и Томас Мур (соч. Карла Нодье) // Лит. газ. 1831. № 27. С. 219. Данная статья была републикована в «Литературных листках» — прибавлении к «Одесскому вестнику» в 1833 г. (№ 16. С. 129–130).
8. *Вольф Д. О.* Чтения о новейшей изящной словесности. М., 1835. Чтение осьмое. С. 162.
9. Там же.
10. Об этом см.: *Веселовский Ю. А.* Грибоедов и западноевропейские литературы // Лит. вестн. 1904. Т. 7, кн. 4. С. 75–76.
11. *Грибоедов А. С.* Сочинения. М., 1953. С. 342.
12. В комментариях Вл. Орлова к «Сочинениям» А. С. Грибоедова (М., 1953) ошибочно указано, что примечание Н. И. Греча составлено, «вероятно, при участии Грибоедова» (с. 682), тогда как на самом деле это примечание заимствовано из пояснений В. А. Жуковского к его переводу второй вставной поэмы «Лалла Рук» «Рай и пери».
13. *Кюхельбекер В. К.* [Собр. соч.: В 2 т.]. Т. 1: Лирика и поэмы. Л., 1939. С. XXVII.
14. *Кюхельбекер В. К.* Избр. произв.: В 2 т. М.; Л., 1967. Т. 1. С. 170.
15. Там же. С. 222. Под поэмой, «о которой упоминает Булгарин», подразумевается незавершенная трагедия А. С. Грибоедова «Грузинская ночь»; см.: *Муравьева О. С.* Замысел А. С. Грибоедова: трагедия «Грузинская ночь» // А. С. Грибоедов: Материалы к биографии: Сб. науч. тр. Л., 1989. С. 275.
16. *Кюхельбекер В. К.* Т. 1: Лирика и поэмы. С. 461.
17. Новые материалы о Грибоедове // Заря Востока (Тбилиси). 1949. 7 авг. (№ 154).
18. *Грибоедов А. С.* Сочинения. М., 1953. С. 350.
19. Там же. С. 351.
20. Об этом издании см.: *Эберман А.* Арабы и персы в русской литературе // Восток. М., 1923. Кн. 3. С. 113.
21. Проблемы ориентализма в английской литературе конца XVIII — начала XIX в. Раскрыты в кн.: *Delattre F.* L'Orientalisme dans la littérature anglaise // Delattre F. De Byron à Fr. Thomson. Paris, 1913; *Osborne E., Meester M.* Oriental influences in the English literature of the nineteenth century. Heidelberg, 1915.
22. Пародия 1829 г. «Пинитическая игрушка, отысканная в сундуках покойного де-душки классицизма. Изданная Н. М.» цитируется по кн.: Русская стихотворная пародия. Л., 1960. С. 175.
23. *Шевырев С. П.* История поэзии. М., 1835. С. 63.
24. Московский вестник. 1827. Ч. 4, № 15. С. 277–278.
25. См.: Литературное наследство. Т. 4–6. [Гете]. М., 1932. С. 663–666.
26. Об этой статье см.: *Мешкова И. В.* Творчество В. Гюго. Кн. 1. 1815–1824. Саратов, 1971. С. 166. Оригинал статьи опубликован: *Conservateur Littéraire*. 1820. Т. 2, juin. P. 253–261.
27. Нечто о Томасе Муре // Благонамеренный. 1822. Ч. 19, № 28. С. 42.
28. Вестник Европы. 1830. № 11 (июнь). С. 226.
29. Там же.
30. *Сомов О. М.* О романтической поэзии // Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. 23, № 8. С. 166.

31. Там же. С. 167. В 1823 г. трактат увидел свет в Санкт-Петербурге отдельным изданием — «О романтической поэзии. Опыт в трех статьях». Современные переиздания трактата О. М. Сомова см. в кн.: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: В 2 т. М., 1974. Т. 2; Литературно-критические работы декабристов. М., 1977.

© Житкова Л. Н.
г. Екатеринбург

ТЕНДЕНЦИИ ЖАНРОВОЙ ДИНАМИКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ XIX в.

Б. Ф. Егоров в монографии «О мастерстве литературной критики» [1] обстоятельно описал работы, начиная со статьи 1925 г. Л. К. Гроссмана «Жанры литературной критики», посвященные проблеме литературно-критических форм, констатировал некоторое оживление научного интереса к проблеме в 70-е гг. Но, не успев закрепиться на достигнутом, этот интерес в последующие годы гаснет. Современный исследователь печально замечает: «Литературную критику сегодня изучают мало» [2].

Но как в работе Б. Егорова и тех источниках, которые он анализирует, так и в новейшем исследовании В. Н. Крылова, посвященном проблеме жанров в критике начала XX в., отсутствуют четко сформулированные жанровые критерии и преобладают почти исключительно описательные методики различения критического жанра, в результате чего каждый отдельный случай идентифицируется с жанром и каждый критический текст рассматривается как особое жанровое образование, в то время как очевидно необходима единая система критериев.

Продуктивные идеи на этот счет предлагаются авторами коллективной монографии В. Барановым, А. Бочаровым, Ю. Суровцевым «Литературно-художественная критика» [3], хотя и здесь нет четкой определенности из-за бесчисленных оговорок и разноречивых утверждений.

Думается, что в качестве критериев, кроме сугубо формального (объем критического выступления), возможно обозначить следующие параметры: 1. Объект критического суждения: произведение — автор — литературный процесс. 2. Тип креативности: оценка, концептуальный анализ или теоретико-идеологическое осмысление явления. Так, целесообразно, в соответствии с данными критериями, выделить три основных жанра: рецензия, статья, обозрение. *Рецензия* — текст сравнительно небольшого объема с доминированием оценочно-информативной функции. Это оперативный жанр, информирующий о новых явлениях в литературной жизни (только что вышедшей книге, сочинениях какого-либо автора и т. д.). Объектом *статьи* является отдельное произведение или творчество автора в целом. В отличие от рецензии, статья ставит задачи исследовательские, которые решаются в контексте определенной концепции критика. *Обозрение* анализирует литературный процесс, его закономерности, тенденции, воссоздает картину лите-